

Культура. — 2003. — 9 — 15 окт. — с. 14

Соперница великих современниц

“Горькая судьбина” Пелагеи Стрелецовой

4 октября исполнилось 100 лет со дня смерти выдающейся русской актрисы Пелагеи Стрелецовой. Актриса, в судьбе которой было немало трагических моментов, оказалась неопределенной по достоинству ни при жизни, ни в те времена, когда писалась история русского драматического театра второй половины XIX века. Ее след едва ли не затерялся в лучах славы более знаменитых современниц — Веры Комиссаржевской, Марии Ермоловой, Марии Савиной. Но талант Стрелецовой был не меньшего накала. В готовящейся к выходу в издательстве “АСТ-ПРЕСС” книге “Богини русской сцены” одна из глав, написанная театроведом Мариной Гавеской, посвящена жизни и творчеству этой незаслуженно забытой актрисы. Фрагмент этой главы мы предлагаем нашим читателям.

В судьбе этой женщины было много мистического и недосказанного. Обладая огромным актерским талантом и жертвенным даром любви, она трагически недореализовала себя как на сцене, так и в жизни. Одержимая, страстная и бескомпромиссная, Стрелецова словно сама привлекала на свою голову роковые испытания, которые сыпались на нее в избытке. Вся ее жизнь — это цепь мучительных поисков, коротких встреч и тягостных разрывов, головокружительных триумфов и несправедливого, раннего забвения. Жизненные потрясения, выпавшие на долю Пелагеи Стрелецовой, отчасти и сделали ее великой трагической актрисой, а потому вполне возможно, что она подсознательно сама шла им навстречу. Судьбы ее героинь странным образом перекликались с ее собственной, и кто знает, какая из двух жизней была для нее реальней и желанней.

С раннего детства Стрелецова стремилась подменить свое обыденное существование иным — иллюзорным, вымышленным, причем была в том так усердна, что порой доходила до галлюцинаций. И не мудрено — ведь в реальной жизни девочки-подкидыша не было ничего привлекательного. Она не знала даже точного дня своего рождения и сама определила дату — 4 октября 1850 года. По странному совпадению умерла актриса именно в этот день спустя пятьдесят три года. Подброшенная на крыльцо нижегородского театрального парикмахера, девочка не имела представления ни о родителе, ни о своей настоящей фамилии. Тайна ее происхождения так и осталась нераскрытой.

Несмотря на то, что удочерившие ее Стрелецовы были добры и внимательны, ощущение ущербности, собственной неполноценности сопровождало Полину с детства. Не здесь ли истоки ее нетерпимости, строптивости, резкого, неуживчивого характера, так мучившего впоследствии близких и часто становившегося причиной ее собственных несчастий? Однако конфликтность и агрессивное упрямство были и своего рода самозащитой пылкой, ранимой натуры. Стрелецова словно заранее старалась оградить себя от бестактности, обид и оскорблений, но своим вызывающим поведением только провоцировала их. Она не признавала полумер и полутон, не умела рассчитывать свои силы и, тратя себя без остатка в жизни и на сцене, требовала того же от других.

С юных лет Полина жаждала вырваться из окружающей ее серой

обыденности. К тому же вопреки всему она всегда подознательно доказывала свое право на равное, полноценное существование в этом мире. Некий дух противоречия как будто управлял ею, и она делала все наперекор судьбе и здравому смыслу. Но, вероятно, именно судьба и зов истинного призвания вели к цели будущую актрису, хотя на первый взгляд все противилось этому. Приемные родители, сами имевшие не посредственное отношение к театру, не поддерживали устремлений Полины и по-своему были правы. Для актрисы Елизаветы Ивановны Стрелецовой театр стал не столько “высоким служением”, сколько тяжелым трудом, необходимым для содержания семьи. Неуклюжего подростка с запущенным искривлением позвоночника трудно было представить в ролях трагических героинь, о которых Полина уже тогда мечтала. Собственная внешность не радовала будущую актрису: уповатая, нескладная фигура, длинные руки, острый профиль, прямые волосы, неправильные черты лица. Кто бы мог подумать, что через несколько лет ее будут рисовать лучшие художники, что публика, как завороженная, станет следить за каждым ее жестом, забыв и о маленьком росте, и о физических недостатках своего кумира? Кто мог поверить в то, что, ступая на сцену, эта невзрачная, некрасивая женщина будет преображаться настолько, что затмит многих признанных красавиц? Никто. Кроме одного человека — самой Полины Стрелецовой. Она упорно тренировалась, занималась танцами и драматическим искусством, жадно впитывала впечатления от игры великих гастролеров — Любоми Никитичны-Косицкой и Айры Олдриджа. Когда Елизавета Ивановна, пытаясь отвлечь девочку от несбыточной мечты, отдала ее в ученицы портнихи, Полина радовалась лишь тому, что сама сможет шить себе сценические костюмы. Наконец ее настойчивость и твердость победили. Этому поспособствовали и все ухудшавшиеся семейные дела. Денег не хватало ни на что, к тому же приемный отец Антипий Григорьевич беспробудно пил. Четырнадцатилетней девочке пора было самой обеспечивать свое существование. Но Полина почти ничего не умела, а у Елизаветы Ивановны иных связей, кроме театральных, не было. Поэтому в письме к антрепренеру Смирнову она предложила взять дочь “на что понадобится”.

Так, в 1865 году на сцене крошечного театра города Рыбинска начала осуществляться заветная мечта. За

П. Стрелецова

три года Стрелецова сыграла более ста ролей. За Рыбинском последовали Ярославль, Симбирск, Муром, Новгород, Самара... И снова ей пришлось существовать вопреки. Вопреки изнурительным дорожным неудобствам, грубости случайных попутчиков, неспособностям провинциальных сцен и артистических уборов. Наконец, вопреки интригам, зависти и злобе — вечным спутницам таланта. К примеру, в новгородском театре жена антрепренера, раздраженная восторженным приемом, который оказала Стрелецовой публика, решила досадить сопернице, приколос диademу к накладному шиньону Полины. Однако месть не достигла цели. Когда в трагическом порыве актриса сорвала диademу и бросила ее на пол вместе с искусственными волосами, публика была настолько заинтригована эмоциональным накалом игры, что даже не заметила происшедшего. Для Стрелецовой же инцидент закончился очередным нервным срывом... В каждом городе ей опять приходилось бороться, снова и снова доказывая свое право на звание артистки. Она играла без отдыха и перерывов, все, что предлагали: более всего водевилей и мелодрам, не приносявшие ей особого удовлетворения.

Наконец ее терпение и упорство были вознаграждены. В шестнадцать лет Стрелецова встретилась с ролью, которая станет для нее тапшманом и к которой она будет возвращаться на протяжении всей жизни, обогащая ее новыми красками. В Ярославле она сыграла Лизавету в “Горькой судьбине” Писемского, сроч-

но заменив заболевшую актрису, — еще одна судьбоносная, на сей раз счастливая случайность. Успех не прошел незамеченным — слух о небывалом самородке быстро распространился по России. Стрелецовой заинтересовались лучшие антрепренеры. Она уже играла не второстепенных героинь во второстепенных водевилях, а Лизу в “Горе от ума”, Офелию в “Гамлете”, Донну Анну в “Каменном госте”, леди Милфорд в “Коварстве и любви”, Беатриче в “Много шума из ничего”...

Но не эти роли сделали ее кумиром, которому поклонялись и безропотно верили. И она сама уже услышала в Лизавете собственную трагическую мелодию, обрела свою, ставшую практически единственной темой. Исчерпав ее, Стрелецова закончилась как актриса — таким символическим пророчеством станет для нее “Горькая судьбина”. Но когда в Самаре 19-летняя исполнительница вновь появилась в пьесе Писемского, все дружно заговорили о чуде, о необыкновенном таланте, о новой звезде. В зале слышались громкие рыдания. Потрясенная толпа бросилась за кулисы, где в полуобморочном состоянии лежала актриса, только что “перехищавшая” запретную любовь и жестокую месть, одержимую страстью счастливой женщины и беспредельной отчаянием матери, потерявшей ребенка. И так каждый раз, из спектакля в спектакль, артистка проживала чужую жизнь, как свою, расстрачивала себя безудержно, неистово, опустошительно.

Если учесть, что и в реальной жизни Стрелецова сжигала себя с не

меньшей одержимостью, то нетрудно догадаться, сколь стремительно таяли ее силы. В саратовском театре мадам Серье она встретилась с будущим мужем — актером Михаилом Стрельским, и эта встреча стала очередным роковым поворотом судьбы. Избалованный красавец, не ограничивавший себя в любовных связях, имел к тому же законную супругу, проживавшую за границей. Терпеть и молчать Стрелецова не умела, а потому нервные срывы и бурные ссоры становились всеобщим достоянием. Но Полина вынуждена была переезжать из города в город в качестве незаконной жены Стрельского, поскольку уже ждала ребенка и на собственный ангажемент рассчитывать не могла. Унизительность подобного положения болело билла по ее самолюбию, обостряя и без того невыносимую ситуацию. Даже рождение дочери не принесло радости молодой матери, невольно переносившей на ребенка ту ненависть, которую она испытывала к его отцу. И главное — маленькая Маша мешала Стрелецовой вернуться на сцену, а именно этого она хотела в то время больше всего.

И снова судьба делает резкий поворот, своего рода зигзаг удачи. В Казани Стрелецова попала в одну из лучших провинциальных трупп — антрепризу Петра Медведева, который уже был наслышан о ее успехах. Актриса жадно набросилась на работу, забыв и о своем негустом муже, и о ребенке, полностью отданном на попечение няни. Опять она яростно сжигает себя, намереваясь упущенное, не замечая недомогания, усталости, вечных бессонниц и изматывающих нервных срывов. Спектакли с ее участием — “Мария Стюарт”, “Бедная невеста”, “Гроза”, “Коварство и любовь”, “Горе от ума”, “Горькая судьбина” — собирают неизменные аншлаги, на них почти невозможно попасть. Стрелецова каждый вечер видит счастливые лица своих зрителей, слышит пронзительную тишину зала, внимающего ей и наконец взрывающегося бурей оваций. Чувствуя, что только здесь, на сцене, ее настоящая жизнь, актриса уезжает с труппой Медведева в Орел, забрав дочь и окончательно разорвав отношения со Стрельским.

Однако маятник судьбы снова качнулся в противоположную сторону — успех у публики начинает катастрофически падать. Чувство неудовлетворенности усиливает нервозность и подозрительность. Возникший конфликт с премьерами орловской труппы — Давыдовым и Савиной — делает положение Стрелецовой в антрепризе Медведева совсем невыносимым. Соперничество с Марией Фаворитиной Савиной продолжается позднее в Александринском театре и окончательно превратит бывших подруг во врагов. А пока по истечении контракта Стрелецова вдруг исчезает, скрывается от всех в Нижнем Новгороде. Уже после разрыва с мужем она обнаруживает, что ждет второго ребенка, который проживет лишь два месяца. Едва похоронив дочь, актриса уже триумфально гастролирует в Москве, снова ощутив любовь и поклонение зрителей. Сцена и жизнь по-прежнему неразделимы — счастье в творческой и личной жизни приходит одновременно. В это же время Стрелецова встречается с актером Модестом Писаревым, который вводит ее в круг талантливейших людей того времени. Личными друзьями и пылкими поклонниками артистки становятся Островский и Писемский, Репин и Ярошенко. Еще недавно казавшаяся недоступной, Москва встречает ее дружелюбно и восторженно.

Но кажется, что безоблачное счастье едва ли не тяготит Стрелецову. Она не умеет жить в подобном размеренном, спокойном состоянии, так не совпадающем с ее трагическим искусством. Она сама идет на разрыв с директорами Общедоступного театра, в котором играла, категорически отвергнув любые уступки и компромиссы. Одновременно жизнь разводит ее с Писаревым, уехавшим в антрепризу Медведева и встретившим там другую женщину. В течение двух лет их связывают лишь редкие письма. К неуверенности в завтрашнем дне, вечному страху, вызванному зыбкостью ее положения, прибавляются участвовавшие недомогания. Организм Стрелецовой отвечает на страшные перегрузки и нечеловеческие нервные затраты тяжелыми желудочными болями. “Все я чего-то боюсь, страшно тороплюсь жить, взята у жизни все, что можно, — пишет в те годы актриса. — Но знаю одно, что нервное расстройство все усиливается, а сдерживать себя я не могу, я давно разбита, то есть посуда надтреснута”.

И все же, преодолевая депрессию, она как будто снова поднимает себе собственную судьбу. Долгая неопределенность в отношениях с Писаревым наконец завершается законным браком и рождением сына Виссариона, а затем и успешными совместными гастролями по российским городам. Самый горячий прием ждет их в чопорно-холодном Петербурге. Но нетерпимый, бунтарский дух Стрелецовой опять дает о себе знать. Ее страсть к разрывам оказывается неистребимой. Ни создать, ни сохранить свой дом она так и не умела. Отношения с матерью Писарева изначально не сложились. И актриса снова уже рвалась из жизни реальной в жизнь вымышленную, жестоко, бестоварно сжигая за собой мосты, переступая через близких, казавшихся ей обузой. “Да, главное, я хочу жить для сцены”, — пишет она, возвращаясь в Москву и поступая в театр А.А.Бренко.

За два года Стрелецова выходит на сцену в двенадцати постановках, в том числе и в своей любимой ролевом Писемского. Актриса, как всегда, работает на пределе, тратя до конца, забыв и о семье, и о все ухудшающемся здоровье. Ей вполне хватает тех семейных драм, которые она переживает на сцене в “Каширской старине” Аверкиева, в “Псковитянке” Мея, в “Семейных расчетах” Кулико-

ва, в “Грозе” и “Бедной невесте” Островского. Полина, известная уже всем как Пелагея Стрелецова, на таком эмоциональном накале проживает судьбы этих хрупких, измученных, но гордых и непреклонных русских женщин, что на собственные страдания у нее уже не остается сил.

Финансовый крах театра А.А.Бренко снова выбрасывает актрису на улицу. Окончательный разрыв с Писаревым ускоряется его романом с актрисой Гламой Мецкерской. От навалившихся проблем, обид и разочарований Стрелецова буквально бежит из Москвы в Петербург, чтобы в тридцать один год все начинать сначала. 11 декабря 1881 года она дебютирует в Александринском театре, в символически сопоставившей ее всю жизнь “Горькой судьбине”. Контракт с нею подписан, но публика на сей раз принимает актрису достаточно прохладно, не говоря уже о труппе. Чувствуя это, не признающая полумер Стрелецова сама делает все для того, чтобы спокойное равнодушие переросло в открытую враждебность. Она словно специально обостряет конфликт, бравируя своей откровенностью, вспыльчивостью и дерзкой нетерпимостью. Противопоставив себя всем, болезненно самолюбивая и ранимая актриса в итоге оказалась во враждебном окружении совершенно одна. Она раздражала своей обособленностью и неприятием годами складывавшегося внутреннего уклада императорского театра. Стрелецова явно не вписывалась в него, и ее раздражили, над ней насмехались. Во множестве пошлых карикатур и отвратительных шаржей зло и жестоко высмеивали недостатки фигуры той, которую с восторгом писали Репин и Ярошенко. Кем восхищался П.И.Чайковский, общавшийся брату: “По-моему, это безусловно гениальная актриса, я был подавлен громадной силой ее таланта”. Среди преданных поклонников Пелагеи Стрелецовой были художник М.Нестеров, писатель А.Плещеев... И многих это раздражало не меньше, чем ее тяжелый характер.

Обострилось бывшее соперничество с Савиной, хотя, казалось бы, делить им было нечего — они почти не пересекались в репертуаре. Взаимное неприятие оказалось скорее человеческим, нежели творческим — слишком уж разными они были, замкнутая, неуживчивая, до истерического фанатизма преданная своему искусству Стрелецова и жизнерадостная, общительная, светская Савина, воспринимавшая театр как счастливый праздник таланта и вдохновения. Исход борьбы был заранее предрешен. Веселая, дипломатичная, неизменно подтянутая Савина находилась в расцвете красоты и своего несомненного дарования. Путь же измученной неурядицами, болезнями и собственными терзаниями Стрелецовой близился к закату. Ко времени прихода на императорскую сцену она уже не только растеряла силы, но и отыграла лучшие свои роли. Ее тема была практически исчерпана, и, не обладая ни гибкостью, ни энергией Савиной, она не знала, куда двигаться дальше.

Но все же еще один последний творческий взлет выпал на ее долю. Она сыграла Степаниду, идущую на преступление ради последней, поздней любви в перделке романа Потехина “Около денег”. И появилась в роли Кручинной в “Без вины виноватых” Островского. По сути, эти роли подвели черту под главной актерской и жизненной темой Пелагеи Стрелецовой. За девять лет, проведенных в Александринском театре, было гораздо больше тяжелого, чем радостного. Выходы на сцену становились все реже и реже. Публика почти забыла о той, которой недавно так пылко поклонялась.

Актриса Стрелецова медленно умирала в мучительном бездействии и забвении, словно в агонии билась в последней надежде привлечь к себе внимание — металась между Петербургом, Москвой и провинцией. В попытках вернуть бывшее воздействие на зрителей доходила до такой экзальтации, что переставала узнавать окружающих. От постоянных нервных припадков спасали лишь кислотные поддушки и сердечные капли. Но все было тщетно — слава великой актрисы покинула ее.

Женщина Стрелецова тоже из последних сил цеплялась за угасающую жизнь. В пятьдесят один год она вышла замуж за 28-летнего чиновника Александра Погодина, бешено ревновавшего ее ко всем и ко всему, несмотря на двадцатитрехлетнюю разницу в возрасте. Бурные выяснения отношений сопровождалась оскорблениями и угрозами. Но однажды после очередной ссоры молодой супруг застрелился на пороге ее спальни. Ее вечная оторванность от детей и деспотичный нрав тоже принесли свои плоды. Дочь Маша, обладавшая актерским талантом, подчинилась требованию матери и не пошла на сцену, отчего всю жизнь чувствовала себя несчастной. Сыну Виссариону Стрелецова запретила жениться до окончания университета, боясь за его будущее; расставшись с любимой девушкой навсегда, он уехал в Константинополь и там застрелился.

Но мать об этом уже не узнала. В тот момент, когда она собралась ехать к сыну в Турцию, ей стало так плохо, что не было сил подняться. Давно дававшие о себе знать желудочные боли развились к тому времени в тяжелый рак кишечника. Пелагея Антипьевна принимала страдания безропотно. Помирившись со своими недугами, в том числе и с Савиной, которая приезжала прощаться в больницу. В день похорон проститься пришли и сотни прежних поклонников, снова вспомнивших о своем некогда чтимом божестве. Но настоящая слава еще вернется к актрисе и уже больше ее не покинет, навсегда запечатлев в истории русской сцены “Горькую судьбину” Пелагеи Стрелецовой.

Марина ГАВЕСКАЯ

Фото предоставлено Государственным музеем им. А.А.Борисова

В роли Катерины в спектакле “Гроза”. 1873 г.